12+

Денис Червяков

ЗОНА ПОКОЯ

Денис Владимирович Червяков
Зона покоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48483768
SelfPub; 2019

Аннотация

Лена вынуждена вернуться в свой родной город из-за болезни матери. Восемь лет она не общалась ни с матерью, ни с младшим братом Мишкой. И на то были причины. Но дома Лену будто и не ждали. Мать её не звала и видеть по-прежнему не хотела, а брат, который и вызвал Лену, вообще исчез. Вскоре Лена узнает, что Мишка с приятелем в степном разломе нашли древнюю мумию и решили продать местному авторитету, у которого на находку были свои коварные планы. А вот бессмертной душе мумии ни к кому, кроме мужа не хотелось. И муж-то у неё не простой, а сам Эрлик – владыка царства мертвых.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 28

Фото на обложке сделала моя мама. Я её отсканировал и загляделся… Конечно, эта двойная экспозиция вышла случайно. Но так прикольно и заманчиво думать, что в этой картинке есть какой-то смысл и предзнаменование… Все права на это фото принадлежат ей и мне.

Дьелене (Елена) Кумюшева (Луч Света) в пятнадцать сбежала из родного Алтайского поселка Кош-Агач. Ее отчим был «курганщиком» – черным копателем одиночкой. Сначала он снимал у матери Лены комнату, потом прижился. Мать родила от него сына, Мишку. Брата Лена полюбила, а отчима так и не смогла. Тот был угрюмым, малообщительным, подолгу уезжал в степи, руководствуясь раздобытыми как-то археологическими картами, а когда был дома, смотрел на Лену слишком уж пристально, смущал. Со временем на ближнем Алтае ловить стало нечего, и отчим начал подыскивать другие кормушки. Мать знала – сожитель её с собой не позовет. Пятилетнего сына-то он принимал как что-то вынужденное.

А позвал он с собой Лену. Мишке вырезали аппендицит, и мать была с ним в больнице. Подъехав на своем УАЗике, отчим попросил Лену помочь с погрузкой найденных реликвий. Увез далеко в степь и там признался в любви. Звал уехать с собой. Упирающуюся Лену попытался изнасиловать. Лена вырвалась из машины и побежала через темную степь. Какая добрая сила остановила ее у самого края разры-

того могильника – неизвестно. Она стояла и ждала приближающийся прыгающий луч фонарика. Подойдя, отчим высветил её лицо. Уговаривал, попытался обнять, но Лена двинула ему ногой в промежность, а потом, согнувшегося от боли, столкнула в яму…

Отчим не подавал признаков жизни: ни крика, ни стона; и луч фонаря замер на дне могильника…

Лена вернулась домой под утро. Мать уже была дома. Не спала. Брезгливо и бесцеремонно оглядела её с ног до головы.

– Он тебя изнасиловал?

Лена ушам не верила.

– Поехали в больницу.

– Нет! – заорала Лена. – Ничего не было!

– Я сама тебя осмотрю.

Лена схватила нож, приставила к своему горлу. Так с ножом и заперлась у себя. Наутро сбежала к бабке в Барнаул…

По ночной дороге в степи мчал мотоцикл с коляской. Вдруг резко затормозил. Местный участковый **Темир (Железо) Темиров** спешился, поднял с дороги блеснувшую в свете фары конфетную обертку:

– Слава богу, нашел…

Мальчишку звали **Амыр (Тихий).** Волки загнали его на одинокое дерево. Темиров газовал, пытаясь отпугнуть зве-

рей рыками мотора. Но те не боялись ни мотора, ни света фары. Но и не нападали. Темиров выдернул из люльки ружье. Застрелил первого, вторым выстрелом ранил еще одного. Тот заскулил, потащился в лес. Потянулись и другие. Только вожак, или кто он там был, не метался, не нервничал, стоял и смотрел. Прицелился Темиров, но перед самым выстрелом качнуло его вместе с мотоциклом подземным толчком – промазал. Прицелился второй раз – опять волной поднялась земля, промазал… Волк ушел невредимым…

Лена проснулась, как от тревожного сна. Верещал на тумбочке телефон. Звонил Мишка. Она сначала не узнала сломавшийся голос брата. Миша говорил, что мать в больнице с «приступом». Надо было ехать.

Кондрат Чуданов был раньше шаманом, весьма почитаемым. Никто не знал, что на самом деле случилось, но теперь он ни в шаманство не верил, ни в себя. Пил. Бесил сына, **Дениса**, который шаманством по наследственному признаку зарабатывать пытался. Не то чтобы к нему очереди выстраивались, но клиенты были. Иногда хорошие деньги несли. Продукты, водку. А Кондрат всё портил.

К примеру, принимал Денис просителя. Жалобы выслушивал, камлал, огонь в очаге молоком и водкой кормил. А Кондрат, пьяный, ворвался в аил[1] и красным флагом разма-

---

[1] У алтайцев аилом называлось отдельное жилище (юрта или шалаш) с усадь-

хивает:

– Вот вам ваш дух! Внимайте!

Денис попытался отца выгнать, а тот, ткнув в гостя шестым пальцем, задрал майку, где огромное, с две ладони, родимое пятно, и кричал, что вот вам, мол, все признаки! И дед его был шаманом, и прадед, только если и были духи – разбежались. А сын его с шестым пальцем не родился и с родимым пятном с кулак тоже. И с духами не общается, среди миров не летает, а дурачит всех. И опять давай флагом махать, пока не подцепил полотнищем огонь. И мотал уже горящим флагом Кондрат, чуть аил не спалил.

В тот раз Денис сильно разозлился на отца, проклинал, чуть не побил. А отец смеялся. Но вдруг побледнел, когда у сына на глазах волосы до пояса выросли и усы длинные, так что тому их пришлось за уши убрать. И заговорил с Кондратом Денис чужим голосом, и приказывал вернуть ему жену. Иначе не поздоровится никому – ни предкам, ни потомкам…

Пришел в себя Кондрат, когда Денис его по щекам отхлестал. Поднял на сына испуганные глаза:

– Эрлик[2], мать его за ногу.

бой.

[2] Эрлик (монг. *Эрлэг*; Эр-Каан (южноалт. *Эр-Каан*) – в монгольской мифологии владыка подземного мира, высший правитель царства мёртвых. По представлениям алтайских шаманов Эрлик описывается следующим образом: чёрные, густые, кудрявые волосы, спускающиеся на плечи, большие чёрные усы, которые он закладывает за уши, длинная до колен борода.

– Водка – твой Эрлик, – ответил сын и вышел.

Но Кондрат призадумался…

Темиров вез Амыра в мотоциклетной коляске, перекрикивая мотор, спрашивал:

– Отец бил?

Мальчишка мотал головой (с детства не разговаривал).

– Честно?.. Чё сбежал тогда? Лунатил опять?..

Темиров привез мальчишку к дому. Вошел. Хозяева спали, воняло пьянкой. Темиров отвел пацана к кровати, накрыл одеялом. Вернулся к столу, за которым спал хозяин – отец мальчика. Взялся за ремень и за ворот, потащил из дома. У мотоцикла бросил на землю. Хозяин проснулся, завыл.

– Лезь в люльку, – скомандовал Темиров.

Подбодрил пинком. Сел за руль, поехали.

Привез к дереву, с которого снимал Амыра.

– Здесь нашел твоего малого. Не сожрут, придешь трезвым – поговорим.

И поехал в поселок, слыша проклятья за спиной…

Темиров остановился на дороге. Подумав, порулил в степь.

Охранник не пускал его на территорию фермы – приказ хозяйки. Темиров требовал ее позвать, ругался, угрожал. Но только заставил охранника вызвать по рации остальных, в основном бывших коллег ментов. Которые смотрели теперь

на него свысока и насмешливо. Развернулся, уехал.

Гнал вдоль изгороди. Затем вдоль кукурузного поля. Остановился, решился. Рванул через заросли, которые скрывали плантацию от посторонних глаз: летел через кукурузу, потом через мак. Пока не выехал к вагончику, из которого уже выходила его бывшая жена **Эде (Старшая Сестра) Темирова.** Бежали от ворот охранники. Эде их остановила – сама разберётся.

Вошли в вагончик. Сели молча. Эде кинула на стол пакет с наркотиком:

– Это последний, больше не будет – не рвись, не приходи…

Темиров быстро засыпал под действием наркотика, а Эде садилась рядом. Темиров всегда видел во сне сына. Играл с ним, разговаривал. Эде слушала и улыбалась сквозь слезы. Но Темиров неожиданно мрачнел, тяжело дышал, как от бега, кричал имя сына, будто терял его. Неотвратимо. И Эде уже рыдала… Она не хотела этого видеть и слышать, но желание почувствовать рядом сына, пусть не наяву, а всего лишь в наркотическом сне мужа, было сильней…

Наконец Лена добралась до поселка. Окна в доме не горели, дверь была на замке. Где всю жизнь в их семье прятали ключ, она, конечно, помнила. Но дом был какой-то пустой и покинутый, и Лена отправилась в продуктовый магазинчик, которым заправляла мать.

И магазин был закрыт. Правда, как показалось Лене, изнутри. Но достучаться Лена ни до кого не смогла. Решила направиться прямо в больничку. Уж если мать там, то там же мог оказаться и Мишка.

А Мишка прятался в магазине. С ним был друг **Тезек (Кал** (секрет имени мы узнаем со временем)). В темном небольшом помещении с парой витрин, кассой и холодильником для мороженого они сидели на корточках и тихо переговаривались. О том, что Лене деваться некуда – пусть едет прямиком в больничку и сидит там с матерью. «Все-таки родная дочь». И его, Мишкина, совесть чиста – мать под присмотром. А они будут сидеть здесь, пока «дело не доделают».

А дело было такое. Сейчас в холодильнике под мороженым лежала мумия, которую парни случайно обнаружили в степи в природном подземном холодильнике. И решили продать, сообщив знакомому, который мог напрямую связаться с **Бирке (Гнида) Малтаевым (Топор)**, местным средней руки бандитом, торгующим с китайцами, монголами и казахами наркотой, угнанными тачками, музейными реликвиями, археологическими находками – чем придётся. И теперь Мишка с приятелем ждали от Бирке гонцов с деньгами.

Лена дремала, свернувшись под кофтой, на не застеленной больничной койке. У противоположной стены палаты

спала мать. Неожиданно резко проснулась, возвестив, что ей срочно нужно к шаману. Лене сквозь сон что-то другое послышалось. Как поняла, ушам не поверила. Ее мать, проработав всю жизнь в кожвене, цинично отвергала любую веру от примет до богов, окромя уверенности в неколебимую власть человеческих пороков. Мать думала, что разговаривает с Мишкой, и удивилась, увидев дочь. Неприветлива была мать. Выяснилось, что Мишке она запрещала сообщать о себе, а уж тем более вызывать дочь. Но Мишка от рук отбился, грезит какими-то миллионами, обещает матери лучших врачей, а самого нет… А ей приспичило к шаману, потому что он её, видите ли, призывает…

Борис Мозолев, не последний человек в Алтайском археологическом обществе, сидел в администрации в компании главы, замглавы района и представителей газовой компании, которая намеревалась проложить через плато газопровод. Борису нужно было поставить подпись под проектом строительства, подтверждая, что никаких бесценных памятников древности по пути газопровода нет. Но он всё медлил, откровенно тоскуя. Ибо, будучи еще молодым археологом, искал он в этих землях могилу, так называемой, «последней принцессы» – дочери древнего рода, которая последней по сохранившемуся бытописанию принесла себя в жертву Эрлику, главному подземному божеству. Так и не нашел. Со временем ушёл в бумажную работу и теперь вот ставил под-

писи под разными разрешающими вандальничать в заповедниках документами. И удивил присутствующих, попросив отсрочку.

Никто ничего не понял. А глава района мгновенно устроил заму разнос – чего этот бывший гробокопатель юлить начал? Этот газ – подарок от стареющего главы народу, а молодой зам (именно он привёз Мозолева) подарок портит. И никакой обещанной Москвы заму, а по совместительству тестю, не видать, пока договоренность о беспрепятственном строительстве газопровода не выполнит. И зам отправился обихаживать археолога.

Так и не обмолвившись с матерью ни одним добрым словом, поговорив с доктором, Лена решила идти домой: помыться, поспать, подумать, застать Мишку, поговорить, прогуляться, купить матери гостинцев. И предпринять вторую попытку помириться.

Войдя на участок, замерла – показалось, кто-то возился за домом. Обошла дом и возле сарая увидела мужика, который рубил дрова. Мозолева она не знала (а это был именно он). Теперь стояли и таращились друг на друга, пока Борис не решился заговорить:

– Я тут квартировался лет двадцать назад, когда студентом был в экспедиции. Думал повидать хозяйку – не застал. Решил скоротать время.

И произнес имя-отчество её матери.

– Она в больнице. Я её дочь.

Темирова вызвали на убийство. Его всегда первым вызывали. Не потому даже, что так положено, а потому что знал он всех. Знал зарезанного посреди магазина Тезека, знал друга его Мишку, которого в магазине не обнаружилось, знал мать его – хозяйку магазина. Картина преступления была странная : труп пацана с колющей раной в сердце лежал возле буквально развороченного, опустошенного холодильника для мороженого. Только не за мороженым пришел убийца или убийцы – весь ассортимент был просто растоптан, разбросан по полу; и не за всем остальным – витрины целы, водка на месте, даже кассу не тронули. Очевидно, что-то искали в холодильнике. Очевидно, перед этим там что-то прятали. Участковый внимательно осмотрел обледенелое дно, подцепил шариковой ручкой фрагмент ткани.

Решив поискать Мишку дома, застал там за чаем не очень приветливых ни к нему, ни друг к другу Лену с Мозолевым. Рассказал о случившемся. Показал файл с найденной тряпицей. Через руки Мозолева столько древних артефактов прошло, в том числе одежд и тканей, что ошибаться он почти не мог и, поиграв на свету находкой, заявил, что это часть богатого древнего платья. Темиров предположил, что это фрагмент того, что пряталось в холодильнике, и из-за чего был убит мальчонка. Был ли с Тезеком Мишка, и не он ли устро-

ил эту жуть – неизвестно. Вспомнила Лена матеревы слова о Мишкиных миллионах, и сердце заныло. Очевидно, что впутались Мишка с Тезеком на этот раз во что-то серьёзное, за что убивают. Надо срочно найти брата, спасти…

А Мозолев совсем о другом думал: если его догадки верны – местные нашли что-то невероятно ценное. Возможно даже мечту его юности, «последнюю принцессу». По-хорошему, конечно, для начала нужно в Барнаул смотаться, в лабораторию. Но время уходит, а надо бы по горячим следам, пока не уплыла «принцесса» через границу уж совсем в небытие. Так и сказал: «принцесса», пытаясь заинтересовать участкового, рассчитывая на его помощь. Но Темиров будто мимо ушей пропустил – пацан в приоритете.

Вместе с Леной Темиров отправился в больницу. Но там не оказалось ни Мишки, ни даже матери Лены – сбежала, а останавливать её, психованную, кому сдалось?

Нашли её быстро – недалеко успела уйти. Приставала к туристам, чтоб отвезли её к шаману. Всклокоченная, как ведьма, в колошах, в одной кофтюльке поверх исподнего – понятно, все шарахаются. Ни на уговоры дочки, ни на Темировские – вернуться в палату, а то и домой – не поддавалась.

– К шаману, иначе сяду в той вот ледяной луже под колонкой и сдохну.

И тут увидела Мозолева. Тот от нынешнего вида бывшей домохозяйки оробел. А мать, глянув на дочь, произнесла:

– А вот этого быть не может.

И всю дорогу в попутке, которую подыскал им Темиров, повторяла:

– Не может быть и всё.

Труп Тезека доставили в поселковый морг, где его подробно запротоколировал местный патологоанатом **Богдан Дрянихин**. Заперев труп парня в одну из трех камер холодильника, открыл крайнюю и выкатил на свет мумию. Находке Мишки и Тезека было никак не меньше тысячи лет. Но все эти годы она провела в вечной мерзлоте, а потому так хорошо сохранилась, что кажется, будто черты лица можно до сих пор разглядеть. Через увеличительное стекло изучал Дрянихин мумию, сантиметр за сантиметром, и благостная улыбка не сходила у него с лица. Пока не явился Бирке и не прервал почти эротический акт. Бандит заявил, что на мумию эту у него большие планы, поэтому если останется артефакт в целости сколько положено, и никто о мумии не узнает – щедро расплатится с Богданом, а иначе – тот жизнью поплатится…

…А всего-то с полчаса назад тут стоял Темиров, расспрашивал о ранах на теле Тезека. И тут тряхнуло из-под земли. Прилично, что поползли открываться другие холодильные камеры. Но Дрянихин быстро их прикрыл, а Темиров ничего такого не заподозрил…

А еще раньше нашел Темиров Бирке Малтаева. Нутром

почуял, что без него тут не обошлось. Конечно, не сам Бирке убил Тезека. Знал Темиров, что трогательно относился Бирке к Тезеку. Оба в детстве были болезненными, оба чуть не умерли в младенчестве. Потому бабки что одного, что другого, нарекли неблагозвучными именами, чтоб злых духов отогнать. И всю жизнь один непутевый был другому непутевому как старший брат. Но пусть и не на руках, но на совести Бирке смерть Тезека – это точно.

Бирке, конечно, не сознался. Пообещал посодействовать Темирову в поисках убийцы. Только потолковал бы тот с бывшей женой и уговорил бизнес свой пока не бросать. «Оно ведь и тебе надо, как я слышал».

Еще несколькими днями ранее Бирке встречался со своими китайскими покупателями. Показывал фотографии найденной мумии. Китайцы морщились, цыкали, мотая головами, что сейчас на такое спроса нет. Старые коллекционеры древностей мрут, а потомство с этим связываться не хочет, все стараются по-тихому от «таких игрушек» избавиться – анонимно на аукционах или вообще музеям дарят. Качественные опиаты[3] – вот это вечно свежая тема.

Бирке приуныл. Может, китайцы просто цену сбивали, но мало времени у него на торговлю – товар скоропортящийся.

---

[3] Опиаты – наркотические алкалоиды опиума. Часто опиатами называют алкалоиды мака и его производные, а опиоидами – их синтетические и полусинтетические производные и аналоги.

А тут еще его бойцы учудили – проявили инициативу. Заявились в магазин, где Мишка с Тезеком мумию прятали. Потребовали «товар» выдать, мол, приказ босса, а про деньги «никакого разговора не было». В перепалке укололи Тезека насмерть. Мишка сбежал. По темноте удалось унести ноги. Хоть в открытой степи скрыться трудно – но повезло Мишке. Бандиты вернулись в магазин, достали мумию, отнесли в машину, в багажник кинули. Поселок стал просыпаться, собаки забрехали, и бойцы Малтаева решили, что лучше бросить в магазине всё, как есть, и – восвояси.

Бирке лично каждому из двух **братьев Койоновых** (которые служили у Бирке солдатами, и которые закололи Тезека) прострелил руку. Заглянул в багажник, а мумия «потекла», совсем не осталось льда на ней. И гонялась по поселку банда, вытаскивала за шкирку из кровати Дрянихина, чтобы спрятал тот мумию. Ну не закапывать же ее, в самом деле, назад, не выбрасывать же на помойку?..

И потом явился Бирке к Эде Темировой. И по слухам знал Бирке, и от самой Эде проскакивали намёки, что вскоре сворачивает она свой бизнес. И тут Бирке решил прямо спросить. И Эде скрывать не стала… Каждый, кто бывал в её вагончике на плантации, видел на стене фотографии пальмовых рощ вдоль золотисто-песочного пляжа, омываемого лазурным океаном. Но не каждый знал, что это Сиуатанехо – легендарное место, упомянутое в повести Стивена Кинга

«Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка», куда хотел сбежать главный герой. И совсем мало кто знал, что Эде с недавних пор была одержима этим местом, и криминальный бизнес затеяла для того, чтобы скопить достаточно денег и поселиться там в уединении. Без мужа, без навязываемых им всё еще острых и болезненных воспоминаний о потерянном ребенке. Бирке знал – Темиров проговорился. И знал, что Эде в курсе строительства газопровода, который пойдет и по плантации, а значит, когда время придет, займется она огнем. И кончится у Бирке лафа. Ведь кто он против Эде, у которой вся местная ментура в охранниках ходит? И с главой района она на короткой ноге, потому что сама когда-то, служа в администрации, отдала прочимое ей губернаторское место. Кто Бирке против неё? – пушер, посредник, мелкая сошка.

Но теперь был у Бирке хороший козырь против администрации, чтобы строительство газопровода отложить. Только Эде до этого дела уже не было, она для себя уже всё решила. И Бирке понял, если уж суждено лишиться щедрой хозяйки, никак нельзя допустить потери плантации. Пусть Эде катится подальше в свой рай забвения, а дело должно достаться ему. Пусть даже повоевать придется…

Мозолев, убедившись, что Темирову важней Мишку найти и убийц Тезека, а «принцессу» искать он даже не думает, решил задействовать другие силы. Встретился с замом гла-

вы района, рассказал тому о возможной драгоценной находке. Открытии! И поднять бы сейчас срочно полицию на уши, отправить отряд на поиски мумии и места, где вскрылся могильник. Ну и ни о каком газопроводе речи пока быть не может. И если местные власти станут бездействовать, мешаться международной сенсации, то отправится Мозолев в Барнаул и там уж постарается поднять бучу.

Перепуганный зам отпросился за советом к начальству. И глава района совсем загнал в отчаяние своего зама, когда объявил, что это и на проблему не тянет. Археологи на подпись найдутся, если Мозолев вдруг бесследно исчезнет. Только дурак бы не понял, к чему клонит начальник. Но не мог молодой зам, считавший себя относительно честным, на такое пойти. Ни за Москву, ни за какие другие коврижки. Но начальник всё подливал виски и всё объяснял, мол, бывает, что по-другому власть и не удержать. Иной раз найдется один такой тщеславный подлец, раскричится, что выкопал эдакое из их родной многострадальной земли. В научных кругах ему уважение и почести, а народу что? Страх. Что нарушил пришлый чужак покой их предков, а местным жди от них мести: катастроф, смертей, бедности… Взял время на подумать зам главы района и в пьяных расхристанных чувствах отправился к Бирке.

За советом, как бы. Малтаев легко просек ситуацию и решил разыграть новую карту. Заявил, что знает, где мумия. Для наглядности сунул под нос фотокарточки. Знает, в отли-

чие от брехуна археолога. И мумия эта может преспокойно храниться у него на депозите, а может раствориться в кислоте вместе с археологом – всё зависит от решения администрации. А предложение такое: будущему газопроводу придется сделать небольшой крючок в обход всем нам тут известной «заповедной» зоны. Договор уже сугубо между администрацией и Бирке Малтаевым должен подразумевать, что смотрителем этого «заповедника» станет Бирке…

Местный тату-мастер **Мерген (Меткий, Быстрый) Теменев (Игла)** мучительно искал новые темы для татуировок. Ему предстояло отправиться на большой конкурс в Барнаул, и он понимал, что отметить его смогут, только если он привезет что-то уникальное, самобытное, местное, колоритное… Старый друг, художник, предложил обратиться к шаману. Якобы его самого когда-то шаман вытащил из творческого кризиса. Как Мерген не потешался над всеми этими плясками с бубном, делать-то хоть что-то было нужно. И назавтра же, прикрыв салон, катил на своем расписном, будто тоже искусно татуированном, стареньком кроссовере в сторону лагеря, обычно разбиваемого просителями вокруг уединенного жилья шаманов…

Подземный толчок под моргом был тогда не единственный в районе. Синхронный – приподнял аил, где беседовали мать Лены и на редкость трезвый Кондрат Чуданов. Который

всё никак не мог убедить женщину, что нет у него больше дара, а за цирком – это к сынку. И тут качнуло снизу всех и какой-то иной силой заставило Кондрата посмотреть на притихшую в углу юрты Лену. Лена же смотрела в ответ на Кондрата и повторяла:

– Что же ты не ищешь меня? Что же не вернешь никак моему господину?

Еще больше испугался Кондрат, чем когда увидел Эрлика. Взбеленился, прогнал всех из юрты. А вечером, напившись, что еле на ногах держался, бродил среди машин туристов и вперивался безумным взглядом в каждое лицо, пока не дошел до машины татуировщика, на которой вдруг стали оживать аэрографические драконы. Мерген за рулем, глядя Кондрату в глаза, произнес:

– По знакам ищи, старик. Ищи по знакам моей собственности.

Выдрал Кондрат Мергена из машины, потащил к аилу. А там камлание в самом разгаре. Разогнал всех Кондрат, отобрал бубен у сына, а Мергена усадил у костра. Приготовился, сам, закатил глаза, бухнул в бубен, загудел гортанно…И пошло. Постепенно, пока творил самозабвенно Кондрат обряд, Мерген и сам впадал в транс. В какой-то момент рука потянулась к блокноту за поясом, другая – за карандашом, и принялась покрывать страницы эскизами причудливых животных…

…такие же точь-в-точь были вытатуированы на конечно-

стях мумии, которую в эту минуту изучал через лупу в морге Богдан Дрянихин…

А в аиле Кондрат и Мерген приходили в себя. Мерген в восторге смотрел на эскизы, Кондрат в задумчивости.

– Знаки собственности… И где же мне их искать-то? – проговорил шаман.

– Не знаю, дед. Мне лично осталось найти только чистую кожу.

А чего же хотела от шамана мать Лены? Нет, крышей не поехала на старости. Вылечиться хотела. В прямом человеческом смысле, ибо в больнице её приговорили. Буквально к смерти. А когда-то давно мать Лены вылечила молодого шамана от гонореи. Тайно. Кондрат тогда успешно выдал свой недуг за «шаманку[4]». Но и влюбился тогда молодой шаман в медсестру. И стали они любовниками, хоть и был шаман женат. И вдруг однажды выяснилось, что не верит медсестра в его силу и никогда не верила. И тут жена, узнав про измену, прокляла шамана. Шаман, узнав, что не верят в его чудеса – проклял любовницу. Сошлись проклятья, затосковал шаман, заболел физически, чуть не помер даже. А вернувшись к жизни, обнаружил, что и жены, и любовницы лишился, да и

[4] Шаманка или шаманская болезнь – это предвестник того, что человек, который ей подвержен, переходит в иное качество. Он становится тем, что древние греки называли «психопомпом» – то есть существом, которое способно связывать мир живых и мёртвых, мир людей и духов.

духи от него отвернулись, как будто закрылись, спрятались, как дети, смеются в шкафу и не пускают. А теперь постаревшая медсестра вернулась, испугавшись за угасающую жизнь. Но почему же к нему – к духовному давным-давно импотенту? За этой самой духовной помощью? Возможность давать которую сама же когда-то и лишила? Да издевается она что ли? Так она не просто пришла, а легла в аиле. Дочь послала восвояси:

– Езжай. Всё, что мне от тебя надо было, я получила.

Лена уехала. Мать осталась лежать. Тут. Молча. Глядя в потолок.

Лена матери об исчезновении Миши ничего не сказала. Даже рада была, что мать осталась у шамана. А у Лены пока будет время найти Мишку. Прошлась по поселку, кивала встречным, смотрела по сторонам и чувствовала себя, в общем, глупо и беспомощно. И тут «припылил» Темиров на мотоцикле. Рассказал…

Шофер-извозчик туристов, казах, возвращался порожняком с извоза подхватить новую партию. Мишку он знал, узнал, а Мишка знал его. Но что-то нехорошее творилось с парнем – трясся весь то ли от холода, то ли от страха. Разглядел шофер, что не грязная рубашка на парне, а бурая от крови. А когда из машины вышел, рот открыл поговорить, пацан «дернул» в степь. Просто побежал опрометью. Казах

вроде дернулся следом, а потом вспомнил про заказ. Решил, лучше звякнуть в полицию, что и сделал. И, глядя на убегающего в степь пацана, рассказывал дежурному подробности. Скинув звонок, достал из багажника одеяло, положил на обочину. Сел в машину, завелся, уехал…

Темиров с Леной подъехали к месту, к одеялу, которое никто не забрал. И Темиров, не раздумывая, повёл мотоцикл в степь. Тряслись, прыгал свет от фары, пока Лена не закричала. Темиров дал по тормозам. Встали. Догнавшая пыль прошла облаком из-за спин… Лена выкарабкалась из люльки и пошла назад. Темиров окликнул, но Лена шла, как укачанная. Оказалось – не просто. Стояла, светя телефонным фонариком на накарябанную на земле надпись: «1964».

– Чё это? Год? – спросил Темиров.

– Туда, – сказала Лена и указала направление.

1964 – надпись, выложенная красным кирпичом на фасаде головного здания заброшенного ртутного рудника. Мишка знал про это место, Лена знала – бегали в детстве. Теперь сумрачно, пусто, гулко.

– Миша, Мишка! Убегай, Мишка, беги отсюда!

Темиров аж оторопел. Потом понял, а Лена подтвердила – когда он еще «казахские» подробности передавал, Лене ясно стало: Темиров не брата её ищет, а преступника – убийцу Тезека.

– Ну что ж, умно, – сплюнул Темиров. – «убегай». Ага. В степь-то среди ночи. «Беги, Мишка». Беги на верную смерть.

И пошел дальше по углам фонарём светить, Мишку искать…

А часом раньше Мишка решил вроде тут остаться, да замерз. Взобрался на террикон[5], оглядеть округу, и заметил светлячок костра в степи. К нему и пошел, а потом побежал, чтоб не замерзнуть… Но не успел – костер вдруг погас, исчез… И Мишка потерялся в непроглядной темноте. И лег… И слышал, казалось, кричала где-то далеко сестра… Но сил ответить на крик не осталось. Казалось Мишке даже, что кричал он, а на самом деле мычал едва слышно, сквозь перестук зубов…

Те короткие подземные толчки увидели и в Барнауле. В университете, в лаборатории сейсмологии. Форшоки[6] на Алтее дело настолько обычное и постоянное, что затевать по этому поводу статистику «надвигающихся катастроф» давно

---

[5] Террикон или терриконик – отвал, искусственная насыпь из пустых пород, извлечённых при подземной разработке месторождений угля и других полезных ископаемых, насыпь из отходов от различных производств и сжигания твёрдого топлива.

[6] Форшок – англицизм, означающий землетрясение, произошедшее до более сильного землетрясения и связанное с ним примерно общим временем и местом. Обозначение форшоков, основного землетрясения и афтершоков возможно только после всех этих событий.

забросили – не работала статистика. Но для одного человека кроме самого факта этих последних форшоков еще большее значение имело место и время их появления. Для **Олега Живова** – зам зав лаборатории и жениха Лены. Правда, женихом себя считал, похоже, только Олег. Почти год у них были целомудренные отношения без поцелуев. И когда Олег заявил, что «возможно годовщина – это не просто годовщина, а какой-то этап, и желательно развития», Лена как испарилась. Уехала, ничего ему не сказав. Так что Олег даже звонить Лене боялся, рассуждая, что «обычно так люди исчезают, когда берут тайм-аут, ну так надо дать человеку это время». Но вот форшоки его обеспокоили. Произошли они в Кош-Агаче и произошли после того, как Лена сбежала. Немногое Олег знал про Лену, но то, что она Кош-Агачская, знал, конечно. Что мать и брат, единственные живые родственники, у неё там. Случится землетрясение в Кош-Агаче или нет – 50 на 50. Но любовь к Лене эти предупредительные подземные толчки для Олега наделила почти мистическим смыслом. Будто посылает любимая ему эти форшоки, как знаки – стань мужчиной, езжай, спаси. И нельзя было звонить ни в коем случае, а нужно было именно приехать самому. И не устраивать панику (можно сослаться, что послали его инспектировать местную сейсмическую станцию), и действовать по обстоятельствам, но главное, случись трудная минута, обязательно быть рядом. Закончил так рассуждать Олег и уверенно стал паковать рюкзак.

Бирке Малтаев заявился к Эде. Вернее, не совсем к ней – к её охранникам, которых из них знал получше. И уже ведя себя как щедрый босс, угощал и постепенно раскручивал на разговор о сворачивании Эде бизнеса. Слухи среди охраны итак уже ходили, и большинство новость удручала – такую кормушку терять никому не хотелось. Но все пока будто убеждали себя, что Эде не сумасшедшая. А Бирке уверял будущих своих подчиненных, что вопрос с газопроводом решенный. И это главная проблема. И Эде она как раз мало волнует, а вот Бирке – волнует. Потому что только ему удалось добиться от администрации района обещания сохранить плантацию. Не безвозмездно. И если парни хотят не потерять работу, им придется начать проявлять преданность будущему новому хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.